

Придворный лекарь опустился на колени, его лоб кровоточил, а голос дрожал, подобно свече на ветру:

— Ваше Величество... Яд, которым отравлен господин Се, необычен. Это Порошок обратной крови, он проникает в коренные кости и разъедает душу, от него нет лекарства... Лишь одна вещь способна продлить ему жизнь — Нефритовая шпилька рода Се.

Се Линь стоял у кровати, не шевелясь.

Пламя свечи металось в глубине его глаз, до боли напоминая пожар на той казни из прошлой жизни: сгорали рукописи, сгорали люди, сгорала душа. Он помнил эту шпильку — бледную, как кость, мягкую и теплую, как слеза. В ночь перед его восшествием на престол умирающая мать вложила ее ему в ладонь. Он носил ее двадцать лет, пока в тот самый день не сломал ее собственными руками, закопав обломок под кирпичами пола в холодном дворце со словами: «Эта вещь недостойна быть запятнанной кровью моего рода».

Но теперь лекарь утверждал, что лишь она одна способна спасти Цэнь Чжао.

Он медленно поднял руку, и его кончики пальцев коснулись бледного лица Цэнь Чжао. Тот лежал с закрытыми глазами, его губы посинели, дыхание едва теплилось, но на них все еще застыла легкая улыбка — будто он ждал, пока Се Линь очнется, ждал, пока тот узнает его.

— Ты... знал заранее? — Голос Се Линя осип настолько, что не был похож на человеческий.

Цэнь Чжао не открыл глаз, лишь едва слышно выдохнул:

— М-м.

Се Линь резко развернулся, вбежал в жилые покои и принялся метаться, переворачивая все вверх дном; его ногти треснули, а сандаловое дерево обагрилось кровью. Он вытащил все вещи, что хранил Цэнь Чжао: нефритовую подвеску, старые сапоги, ленту для волос, исписанные стихами листы... пока на самом дне потайной шкатулки не нащупал ледяной кусок сломанного зеленого нефрита.

Его тело затряслось.

Этот обломок шпильки он закопал сам. Но почему... он оказался у Цэнь Чжао?

Он сорвал с Цэнь Чжао нижнюю одежду.

В тот миг, когда воротник разошелся, Се Линя словно поразило молнией.

На груди Цэнь Чжао была выбита тончайшая строка. Чернила уже слились с плотью и кровью,

едва заметно пульсируя, как нечто живое:

«Жизнь за жизнь, Кровавый Указ не угаснет».

Се Линь рухнул на колени, и из его горла вырвался нечеловеческий стон.

Он вспомнил.

Это был не сон.

Это была правда.

В прошлой жизни он написал Кровавый Указ, за что весь мир клеймил его безумцем, а император приговорил к смертной казни. Его выволокли на эшафот, Кровавый Указ сгорал в языках пламени, сворачиваясь пеплом, и последним, что он увидел перед смертью, был Цэнь Чжао, стоявший у ступеней — в черных одеждах, испачканных кровью, с черной пеной на губах, но улыбавшийся ему.

— Ты так прекрасно написал, — произнес тогда Цэнь Чжао. — Не бойся, я прикрою тебя.

Он думал, что Цэнь Чжао оказался замешан случайно, что его принудили, что он произнес эти слова под давлением.

Но он ошибался.

Цэнь Чжао с самого начала знал, что этот Кровавый Указ порожден его навязчивой идеей, что это проклятие, сотканное из остатков душ и мыслей. Он проглотил Порошок обратной крови, симитировал смерть на семь дней; его душа покинула тело, и, используя жизнь как проводник, он запечатал уцелевшую душу Се Линя в том свитке Кровавого Указа. Собственной кровью он переписал историю, стер имя Се Линя из списка умерших, вписав вместо него свое собственное, чтобы принять на себя всю вину: тот, кто сжигал рукописи — он; предатель — он; безумец — он.

А Се Линь выжил.

В холодном дворце, в безумии, в забытом всеми уголке он прожил двадцать лет под личиной безумца.

Его не спасли.

Его принесли в жертву.

— Почему... ты не сказал мне? — Се Линь бросился вперед, судорожно обнимая Цэнь Чжао, и слезы капали тому на грудь, размывая строку из крови. — Зачем ты... умер за меня?

Цэнь Чжао медленно открыл глаза, в его взгляде уже не было блеска, но он по-прежнему оставался прежним — мягким и нежным.

— Если бы ты не сошел с ума, — его голос звучал так легко, будто падал снег, — ты бы не осмелился написать ту историю. Если бы ты не сошел с ума, ты бы не выжил. Если бы ты не сошел с ума... этот мир навечно остался бы кладбищем лжи.

Дрожа, Се Линь прижал половинку нефритовой шпильки к сердцу Цэнь Чжао.

Шпилька коснулась крови и вдруг слабо засияла, затрепетав, словно живое существо.

Он прокусил палец и уронил каплю крови на трещину в нефрите.

Капля впиталась, и шпилька внезапно издала чистый звон — словно лопнула струна древнего циня, словно душа вернулась в свое обиталище.

— На этот раз, — прошептал Се Линь, заливаясь слезами, — я продлю тебе жизнь.

Цэнь Чжао улыбнулся.

Эта улыбка была нежнее, чем на эшафотной площади в прошлой жизни.

— Если умрешь ты, — тихо произнес он, — я напишу еще один свиток и заставлю тебя переродиться десять раз.

Се Линь резко вскинул голову, его зрачки сузились:

— Ты... ты с самого начала...

— Да, — Цэнь Чжао закрыл глаза, его дыхание слабело. — Я с самого начала знал, кто ты. Ты не Се Линь, ты тот самый господин Се, который на двадцать третьем году Тяньци раздавал лепешки нищим у стен исторического архива, получал от евнухов тумачи, катаясь по земле, но все равно твердил: «История не может умереть». Ты писал историю не ради славы и не ради власти — ты писал ее, чтобы будущие поколения знали: эти люди жили, страдали и были убиты.

Он поднял руку и кончиками пальцев нежно коснулся щеки Се Линя.

— Ты сошел с ума, и я сошел с ума вместе с тобой. Ты сошел с ума так, что весь мир в страхе затрепетал, и я высек твои безумные слова на каждой буддийской пагоде, в каждом историческом свитке, в каждой детской колыбельной.

Горло Се Линя спазматически сжалось, он не мог произнести ни слова.

Он поднес нефритовую шпильку к собственной груди и дюйм за дюймом вонзил ее в плоть.

— Тогда в этот раз, — стиснув зубы, проговорил он, и кровь хлынула из уголка его рта, — я пойду с тобой в этом безумии до самого конца.

В тот миг, когда шпилька вошла в тело, весь дворец содрогнулся.

За окном лунный свет водопадом хлынул с небес, сплетаясь в кровавую нить, устремленную прямо в небесную высь.

Кровь Се Линя и кровь Цэнь Чжао смешались внутри нефритовой шпильки, превращаясь в тонкую струйку дыма, что поднималась вверх — темную, как туман, живую, словно душа и проклятие одновременно.

Эта струйка дыма неожиданно сложилась в воздухе в строку:

«На двадцать третьем году Тяньци Се Линь умер, и Цэнь Чжао занял его место; на тридцать третьем году Тяньци Цэнь Чжао умер, и Се Линь продолжил его путь; Кровавый Указ не угаснет, Душа Истории не увянет».

Когда буквы растаяли, дыхание Цэнь Чжао постепенно выровнялось.

Он открыл глаза: краснота сошла со взглядов, а на лице появился намек на живой румянец.

Се Линь оцепенел.

— Ты... выжил?

Цэнь Чжао поднял руку и ласково провел по его окровавленной груди, и пальцы его были всё так же нежны.

— Я не умер, — прошептал он. — Я просто... ждал, пока ты придешь и заберешь меня домой.

Се Линь крепко прижал его к груди, словно удерживая возвращенную из небытия жизнь.

— Я заберу тебя, — сдавленно произнес он. — Я заберу тебя в архив, в холодный дворец, в ту снежную ночь, когда мы встретились впервые. Ты будешь писать, я буду записывать. Ты сойдешь с ума, и я сойду с ума с тобой. А если ты еще раз посмеешь умереть за меня...

Он сжал зубы, выговаривая каждое слово:

— Я напишу еще один свиток и заставлю тебя переродиться сто раз.

Цэнь Чжао улыбнулся так, будто первый снег растаял под лучами весеннего солнца.

— Хорошо.

За окном поднялся ветер.

Тонкая струйка дыма выскользнула из нефритовой шпильки и унеслась вдаль.

Это была последняя глава неоконченной в прошлой жизни Истории гибели Великой династии Инь авторства Се Линя.

Теперь у нее наконец появилось продолжение.

Жизнь за жизнь, Кровавый Указ не угаснет.

На сей раз я заставлю себя продолжить твою жизнь.

<http://bllate.org/book/19340/1891107>